

18+

Сергей Терешенков

БалтЫ

2020

Сергей Терешенков

**Э-балты. Рассказы из
Латвии, Литвы и Эстонии**

«Издательские решения»

Терешенков С.

Э-балты. Рассказы из Латвии, Литвы и Эстонии /
С. Терешенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980997-1

Они веками живут на этой земле — бесстрашные, свободные и непокорные. Кто они? Древние рыцари или герои новых сказок? Хуторяне или граждане мира? Лесные язычники или «э-балты», обладающие последними технологиями? Сборник рассказов Сергея Терешенкова многолик, как культурные ландшафты Латвии, Литвы и Эстонии, где в каждой истории чувствуется зыбкая грань между прошлым, настоящим и будущим.

ISBN 978-5-44-980997-1

© Терешенков С.
© Издательские решения

Содержание

До минор	6
Тюлененок	8
Снежный мальчик	9
Синяя корова	10
Содержатель змей	12
Диссонанс	13
О последнем листе	15
Сосна. Мерикюль	16
Эглите	18
Полиэфирный век	21
В снегах	22
э-балты	23
Поговорим	25
Дачники	27
Балтийский путь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Э-балты

Рассказы из Латвии, Литвы и Эстонии

Сергей Терешенков

© Сергей Терешенков, 2020

ISBN 978-5-4498-0997-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Сергей Терешенков – филолог, публицист, PR- и GR-специалист. Родился в Санкт-Петербурге. Жил в Германии, Польше, Италии и Перми. На протяжении последних двадцати лет его профессиональная деятельность тесно связана со странами Балтии. Свободно владеет английским, немецким и польским языками, говорит еще на двенадцати языках, в том числе латышском, литовском и эстонском. В настоящее время живет и работает в Берлине. Первая изданная книга автора – «Пермская обитель. Роман с продолжением» (2017) – была представлена в одиннадцати городах России, а также в Германии, Дании, Польше, Сербии и Швеции.

Литературный редактор: Елена Русакова

Редактор: Анна Батог

Корректоры: Милда Багдонайте (литовский язык), Сабине Ермаловича (латышский язык), Силле Сепп (эстонский язык)

Оформление обложки: Лийса Круусмяги

Автор благодарит Международный дом писателей и переводчиков в Вентспилсе, где были написаны некоторые из рассказов, за приглашение принять участие в программе резиденций в 2018 году и возможность работы с оригинальными источниками в городских библиотеках.

100-летию независимости Латвии, Литвы и Эстонии посвящается

До минор

А как мы тогда жили?! Мы же были глупые, многого не замечали. Родители молчали о сгинувших где-то в дальних краях, и мы, счастливые незнанием, играли в наспах сколоченных деревянных песочницах в Парвенте¹, а будучи постарше перелезали через проржавевшие железные сетки на Янтарной, потому что нам настрого это запрещали, прятались между цистернами, отправлявшимися в порт и волшебные страны, выскивали гравий, измазанный мазутом, и любовались им, переливающимся в лучах солнца. Иногда нас ловили железнодорожники или дружинники, отводили в милицию, ставили на учет, мы затаивались на пару дней, а потом все повторялось.

Летом настоящим приключением была поездка на море. Каждую субботу и воскресенье, а то и через вечер мы с мамой садились в набитый автобус, пропахший бензином, отчего становилось дурно, и через спрятанные в сосновом лесу домики и наперекор наносившему полные сандали песка ветру прорывались на пляж. По выходным пляж кишел людьми, так что часто свободное пятнышко оказывалось у самой кромки воды, за постепенно исчезающими бороздками от машин пограничников.

Я мечтал, когда вырасту, выучиться на пограничника, чтобы хоть изредка видеть пустынный пляж и слышать только шум волн, грозно накатывающих на берег. Желание только усилилось, когда на улице мы как-то наткнулись на вытянутых, в бежевых мундирах с зелеными погонами и малиновыми ремнями солдат, гордо прошествовавших в черных сапогах в замковые казармы, а однажды нам повстречался офицер, который присел передо мной на корточки, снял зеленую фуражку с выступающей красной звездой, спросил, как меня зовут, на что я от смущения не смог ответить, рассмеявшись, потрепал по волосам и достал леденец: «На, держи, раз так». Перед сном я сказал маме, что точно буду пограничником, а она глубоко вздохнула: «Спи, спи...» – и выбежала из комнаты.

Кажется, я мог часами не выходить из воды, намеренно оттягивая следующее удовольствие – молочный коктейль, который в огромном металлическом стакане взбивала в «Якоре» на чудесной вибрирующей всем корпусом машине добрая тетя Илзе. Я сидел в стекляшке «Якоря» и, потягивая коктейль, непременно рисовавший пеной усы, прощался с морем.

В ПТУ я влюбился – и вся моя смелость улетучилась. Я по несколько дней копил карманные деньги, приглашал ее в мрачный «Комсомолец», а после фильма водил по испещренной булыжниками, обломками деревянных пристаней и железобетонными сваями набережной Венты, только чтобы иметь право подать Ане руку, когда она не могла преодолеть очередное препятствие. Впереди на тоненьких ножках, будто пришелец из «Войны миров» Уэллса, грозно нависала пограничная вышка: я уже начинал смутно различать правду и ложь и больше туда не стремился. Так мы и прогуляли до армии, после которой вышка в моих мечтах окончательно рухнула. Пару месяцев мы переписывались, но потом обоим надоело.

После службы мне удалось устроиться на перевалочную нефтебазу. Со смены мы с приятелем от нечего делать отправились в центр. В парке познакомились с женщинами. Мест тогда было немного, так что мы пошли в «Космос». Чтобы произвести впечатление. Возвращались мы с ней поздно, никого на улицах уже не было, да подогретые коньяком еще и петляли. В довершение всего на площади мы угодили прямо в лужу, расхохотались и принялись неистово целоваться. Вдруг чувствую: кто-то смотрит. Отпрянул, отстранил ее губы и еле еле в мерцающем свете фонаря, за колоннами, прочел частью выцветшие, частью пропавшие буквы: «SAVU MIERU ES JUMS DODU»². И она тоже замерла. И так, молча, дошли мы

¹ Pārventa – район Вентспилса Завенторечье (лат.).

² Мир Мой даю вам (Ин. 14:27, лат.).

до ее двери: «JŪSU PASTA INDEKSS 229911 ВАШ ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС». И, хочешь верь, хочешь не верь, откуда-то из глубины раздались звуки органа, сначала стремительно-торжественные, а затем все медленнее и тише, почти до угасания, и снова взрывающиеся надеждой к финалу. Мы стояли на пороге, и уже было не разобрать – или это дождь нас хлещет по щекам, или это наши собственные слезы.

Ну а дальше ты и сам знаешь.

Тюлененок

На математике Райго заскучал. Он рухнул на парту и механически повторял за учителем: «один плюс два плюс три будет шесть», «два плюс три плюс четыре будет девять», «три плюс четыре плюс пять...» В занавеске отчаянно бился шершень. Райго достал из портфеля банку, поставил ее на пути шершня и терпеливо ждал. Шершень успокоился, пополз вниз по занавеске, подозрительно осмотрелся на краю банки, обошел ее по ободу и все-таки залез внутрь. Райго накрыл банку тетрадной страницей, перевернул ее вверх дном и торжествующе поставил на парту. Шершень жужжал крыльями и ругался, а Райго, опустив голову на сложенные ладони, с удивлением наблюдал за его возмущенными усиками, семенящими лапками, жадно хватающими воздух жвалами...

– Райго! – нависла над ним учительница. Убедившись, что он ее наконец услышал, она продолжила: – Кол! И выйди вон, – смягчилась она.

Он опрокинул банку. Шершень злобно и радостно полетел по классу. Райго вышел на двор и сел на лавку. Сегодня с моря должен возвратиться папа. Он обязательно привезет ему, своему *pissike üolge*³, что-нибудь интересное. Райго представил, как папа мужественно преодолевает на лодке-долбленке высокие волны и хлесткие бури, как причаливает к необитаемому острову, разводит костер, сушит одежду и отправляется на охоту. Тюлененок знал, что папа не один (одному в море не выжить) и лодка совсем не маленькая, но в своих мечтах ему нравилось верить, что его папа особенный и сам может противостоять морской стихии.

На перемене двор наполнился детскими криками и играми. Райго с мальчишками, все в светлых брючках и замысловато связанных узорчатых свитерах, взявшись за руки, встали в линию напротив девчонок в юбочках, спадающих разноцветными лентами, и расписных сорочках. Те поочередно пытались прорваться через преграду, но удалось это только Кайсе, отвлекшей мальчишек сорванным на бегу платком, оголившим ее белопесочные волосы, и ловко юркнувшей им под руки.

Последним уроком была родная речь. Райго любил красивые таинственные знаки – буквы – и прилежно выводил, следуя голосу учительницы: «*kaess, koer... Jagõlvvad nagu kaess koeraga*⁴».

– Странно, – подумал он. – Вот наши совсем не спорят, разве что иногда Мусти⁵ слегка щелкнет по носу не в меру любопытного Айвара или он напоказ огрызнется, когда она слишком близко подойдет к его миске.

После школы Райго, наскоро попрощавшись с товарищами, вскочил на велосипед и покатил прямо через поле, не заезжая, как обычно, к старому смотрителю маяка, сказки которого он мог слушать до глубокого вечера. Он вприпрыжку, мимо заливавшегося веселым лаем Айвара, ворвался в избу и со всей мочи вцепился в могучие, пахнущие соленой рыбой, папины штаны. Райго стоял, боясь снова его упустить, а тот медленно гладил сына по голове.

– *Uata, mio pissike üolge!*⁶ – Папа выложил на стол свежую тюленью шкуру.

³ маленький тюлень, тюлененок (*кихнуцкий диалект эстонского языка*).

⁴ кошка, собака... Спорят, как кошка с собакой (*кихнуцкий диалект эстонского языка*).

⁵ От *must* – черный (*эст.*).

⁶ Посмотри, мой тюлененок! (*кихнуцкий диалект эстонского языка*).

СНЕЖНЫЙ МАЛЬЧИК

– Вот! – Раса скрутила мягкую проволоку в остов и передала его Руте, которая опасливо тронула холодный изгиб. – Не бойся, пока ты с этим мужчиной можешь делать все, что захочешь! – Раса принялась произвольно выворачивать ему суставы. – Как только он почувствует себя личностью, станет сложнее. Впрочем, разве в жизни не так?!

Рута ухмыльнулась. Когда она видела в витрине завораживающие куклы, грустно смотревшие ей вслед человеческими глазами, она представляла Расу недостижимой волшебницей, восседающей в окружении своих творений в одиноком замке на горе. Девятиэтажка в Шешкине действительно возносилась над парком и даже соборами старого города, но в остальном быт волшебницы мало отличался от ее собственного: типовая трехкомнатная квартира, кошка, покупки.

– Смачиваешь и наносишь паперклеи... Хо-ро-шо, – поправляла Раса насаженную на стержень голову из фольги, на которой медленно проступали кукольные черты.

Каждое утро Рута счастливо отправлялась на остановку в предвкушении еще одного удивительного дня в панельном замке. Кукла нарастала обрывками ткани и синтепоном, прячущимися под паперклеем, и теперь неосторожное движение могло изойти трещиной, которую приходилось замазывать сызнова. В конце концов голова застыла в наклоне, а правая рука – в согнутом локте. Весь следующий день ушел на пальцы, ломавшиеся под настойчивостью Руты, пока указательный чуть не прижался к устам.

– Как-то раз меня пригласили на выставку в Прагу. На родину голема, ага. Мы же тоже из глины себе помощников лепим! – рассказывала за работой очередную историю Раса. – Дали самое лучшее место, уважение и почет, но тема... Чехия, XIV век! Мои первые ассоциации – темень, чума. Как их обыгрывать?! Но потом вспомнила расцвет Литвы – и у них это тоже золотое время было: мост, университет, Пражский град... Карл-Венцеслав, четыре королевы – и со всеми любовь! Бывает же такое! Что-то он слишком женственный у тебя получается, – отвлеклась она на голову с уже подведенными губами и бледным румянцем на щеках.

– Еще фиолетовым подкрасим, – возразила Рута, погладив куклу по светлым волосам из козьей шерсти. – Он же снежный... снежный мальчик.

Спустя неделю Рута шагала по «Акрополису» с улыбкой, открытой всему миру, и вытянутой коробкой на плотной петле. Дома она заботливо разложила картонную конструкцию и, страхуя куклу от падения ладонями, поставила ее на широкие башмаки. Кукла не шелохнулась. Рута облегченно скользнула по белым чулкам, роскошным голубым панталонам и сорочке и пристально заглянула под шальные, завивающиеся вверх ресницы. В какой-то момент ей почудилось, что кукла моргнула, но через мгновение она только рассмеялась своему воображению. Кукла распрямилась, поймала баланс и ласково посмотрела на свою создательницу.

– Мой снежный мальчик! – воскликнула Рута.

– Тсс... – прошептал снежный мальчик, вернув палец к губам, и спрыгнул с полки.

Синяя корова

Гриета открыла пожелтевшую тетрадь и, поборов дрожь пальцев, старательно принялась выводить забытые буквы со множеством запятых, двойных и одинарных точек, галочек и черточек; иногда ей попадалась широкая «о» под гребнем волны.

«Мы жили бедно, все вместе в одной комнате хозяйского дома. Кроме нас, на дворе было шесть семей. Отец промышлял салакой и килькой. Около Иванова дня и после вылавливали камбалу: ее замораживали и только потом коптили для себя или на продажу. Рыбу предлагали в окрестных деревнях подальше от моря, иногда на ярмарке в Дундаге. Часто рыбу обменивали на шерсть, ситец, продукты. Самым сладким блюдом на столе считался *sūrkak*⁷: в него добавляли морковь.

В лесу собирали грибы и ягоды. Как-то на рассвете я одна пошла за черникой на малое море⁸. Вдруг вижу: под дубом сидит босая светловолосая девушка в красной кофте и юбке с алыми лентами, плетет венок и поет. Вокруг нее паслись – я сначала своим глазам не поверила! – синие коровы. Засмотрелась я на одну из них, с золотым колокольчиком, уходившую все глубже в траву, и не сразу услышала голос из воды: «Довольно, дочка! Загоняй их обратно!» Девушка вскочила, уронила венок на землю, и синие коровы вместе с ней скрылись за четвертой горкой⁹. Только одну заплутавшую корову, с золотым колокольчиком, девушка не дозволялась. Та с тоской оглянулась. Я подняла венок, положила его между рогов и обняла корову за голову. Она довольно заласкалась, а я наполнила лукошко черникой и отправилась домой. Когда я рассказала о синей корове, меня подняли на смех. Я обещала ее привести, но так ее больше и не встретила.

Почти всю войну я провела в Риге, где вышла замуж за Карлиса, которого знала еще по школе. У нас родилась Эде, и на пароходе «Нептун» я поплыла к родителям; Карлис присоединился к нам через три недели, прорвавшись по прибрежным тропинкам на велосипеде. В сумерках море было совсем чужим: на мысе тревожно мигал маяк, от Сормо¹⁰ возвращался военный патруль, в кровавом воздухе истошно вопили чайки. И в этот момент из леса ко мне вышла светящаяся синим корова. Я с трудом различила золото пропитанного копотью молчаливого колокольчика. Она потерлась о мое плечо и, сдерживая слезы, тихо промычала: «Ail!»¹¹.

На следующее утро мы выяснили, как добраться до Швеции. Албинс из соседней деревни готовил лодку на Готланд, и через несколько дней, оставшись незаметными для расквартированного в доме родителей немецкого полковника, мы с еще одной семьей двинулись в путь. С курса мы сбились. В открытом море у нас заглох мотор, кончились пища и вода, и мы – с тремя маленькими детьми на борту – дрейфовали, пока нас не спас проходивший мимо корабль.

Так мы и оказались сначала в Линдесберге, потом в Буресе и в конце концов в Канаде. Карлис умер уже двадцать с лишним лет назад. Эде навещает меня каждый месяц. Я ни о чем не жалею. Если только об одном: мне уже никогда не суждено увидеть родной ливский край».

Гриета бережно перевернула последнюю страницу тетради. Она со вздохом приподнялась и, опершись на палку, доковыляла до кровати. Зажмурившись, она скинула с себя теплое одеяло, расправила руки и, проскользнув сквозь стекло, закружилась по снежной земле. Гриета быстро летела за океан и два моря и замедлилась только перед самым продиравшимся к маяку

⁷ большая ватрушка (*лив.*) – традиционная ватрушка из ржаной муки с картофельным пюре, морковью и яйцом.

⁸ От *Piški mer* – малое море, или Рижский залив, в отличие от *Sūr mer* – большое море, или Ирбенский пролив (*лив.*).

⁹ От *māg* (*лив.*) / *kalniņš* (*лит.*). – гора, горка, здесь: мель.

¹⁰ *Sõrmõ* – Сааремаа (*лив.*).

¹¹ Уезжай! (*лив.*).

песчаным носом. Она увидела накатывавшие с Сормо высокие волны, безжалостно вырванные с корнем на малом море сосны и березы и где-то за ними, в черничнике, синюю корову в венке, которая улыбалась ей и шла встречать на берег. Из воды донесся девичий напев:

Siz ku ma piški jema jūs pids kārant jūokšiz vėl,
siz lōlidi ma lōliz nei, kui ma siz opiz sāl.
Un ku ma sūrōks nokaziz un jellō pārmuoistiz,
siz lōlidi īrgiz loulō ma, kus ma siz jelliz, kāuž.
Ma lōliz mitsās līndudōks, ma taras puṭkōdōks,
ma lōliz pitkō riekkō lāds, ma lālamt tīedō tīeds.
Un ku ma jembit ab lōla un kalmō maggōm lāb,
laz piškizt līndud lōlagōd siz teiz min kālma pāl!¹²

Синяя корова весело зазвенела золотым колокольчиком и ринулась в море. Вскоре она исчезла за четвертой горкой.

¹² Когда я еще маленькой девочкой бегала по двору, / Я пела обо всем, что видела во дворе. / А когда подросла и поняла жизнь, / Начала я петь песни, куда бы ни пошла. / Я пою с птицами в лесу, с цветами на лугу, / Пою и когда отдыхаю, и когда тяжело работаю. / А когда я больше не буду петь и буду лежать на кладбище, / Пусть меня вспомнят птицы и споют мне на могиле (*лив.*) – песня ливской певицы Лоте Линденберги.

Содержатель змей

Мадис закрыл квартиру на ключ и стал торопливо спускаться по просторной и вычурной лестнице подкопченной сталинки в центре города. Он проспал, а корм нужно давать по расписанию. Он еще долго ковырялся с тяжелым подвальным замком, который все время заедало, и думал, что скоро они наконец переедут в отдельное здание, где питомцы почувствуют себя вольготнее. И все-таки ему было жалко расставаться с этим домом, из которого он почти не выходил, разве что за продуктами и в очередную экспедицию.

Наконец замок подался, Мадис включил свет и исчез внутри. Удав Боа приветливо зашелестел в своем террариуме. За стеклом внизу переливалась изжелта-бурым красotka ага, раздувалась и тихо точила яд. На Боа посетители редко обращали внимание, но вот загадочную жабу всем была охота потрогать. Мадис снимал крышку с ее террариума и, пока любопытный турист протягивал свои пальцы к аге, молниеносно отодвигал пластик и водружал на руки ошарашенному удава: «Он только подушит, а она готова убить».

Свою коллекцию Мадис собирал уже пятнадцать лет. Первым экспонатом как раз и стал Боа, а уже потом к нему прибавились обыкновенные и экзотические гадуки, вараны, тарантулы, скорпионы, крокодил и прочая живность. Владельцы квартир сначала были против такого соседства, но Мадис обладал недюжинным талантом убеждения. Кроме того, в доме его знали с детства, так что получить разрешение удалось довольно быстро. За все время не случилось ни одного побега из подвала, что успокаивало даже самых непримиримых противников: в конце концов, мало ли какое хобби у человека! За глаза Мадис даже заслужил у домочадцев почетное прозвище – Madu Madis¹³.

Он поспешил во второй зал, к террариуму с десятидневными эфятами. Они с интересом вытянули головки и медленно покачивались на хрупких тельцах. Он осторожно насыпал им кузнечиков и отошел: яда у малышей скопилось достаточно. Самого Мадиса укусили лишь однажды, да и то в Соомаа, а вот его приятелю Арво повезло меньше. Сколько раз они вместе продирались через африканские джунгли, американские сельвы, рыскали по австралийским пустыням, плыли по азиатским болотам, а укус настиг его в этом самом подвале!

Они вместе убирались, и, когда Арво отворил террариум с кассавой, она стремительно бросилась ему на большой палец. Мадис схватил топор, отрубил другу немеющий палец и так остановил распространение паралича. Сплюснутая морда кассавы, извивающейся толстыми бежевыми и багрово-коричневыми ромбами и треугольниками, грустно смотрела сейчас своими глазками на Мадиса, но тот хорошо знал, что в ее пасти скрываются самые длинные в ее роде пятисантиметровые зубы, мертвую хватку которых ощутил на себе Арво.

Мадис переходил от зеленой бойги к гремучей змее, от гюрзы к мозамбикской кобре, от тигрового к сетчатому питону Минуэлу¹⁴, удостоившемуся своего прозвания после того, как он плотно сжал руку потерявшего на мгновение бдительность хозяина. Минуэлу методично полз к шее Мадиса, но на этот раз исход предотвратил Арво, который помог размотать питона.

Мадис весело постучал Минуэлу в стекло и вернулся к Боа. Снаружи уже ждали мама с дочкой. Мадис распахнул дверь и широко улыбнулся:

– Привет!

¹³ Змей Мадис (эст.)

¹⁴ От minu elu – моя жизнь (эст.)

Диссонанс

Сидящий напротив собеседник вызывал неприятные воспоминания: мало того, что он в прошлом был преподавателем Паулюса и, как принято говорить, выбился в люди, хотя вроде, исключительно благодаря близости университета к президентскому дворцу, так еще именно он пристроил Паулюса на радио, когда заядлый отличник, первый везде и всегда, вдруг очутился на обочине и спивался. Наставник гордился, что спас тогда Паулюса, и надуманные им самим обязательства тяжким грузом ложились на плечи любимого студента. Хорошо, что удалось откреститься срочными делами от приглашения на ужин и его нудного хвастовства.

Паулюс ненавидел работу: торчать в студии, задавать с умным видом дурацкие вопросы, внимательно слушать растянутые и не менее дурацкие ответы, особенно когда обе стороны понимают, что это словоблудие никому не нужно, кроме составителей рейтингов. И так изо дня в день, из года в год, из жизни в жизнь.

Паулюс ненавидел город: Каролинишкес с телебашней, набитый автобус, выплевывавший его на проспект Гедимина, собор и памятник. Он каждый раз равнодушно пробежал мимо треклятых достопримечательностей, чтобы оказаться за Вильняле¹⁵, в Ужуписе¹⁶, единственной альтернативе этому Ужпакалис¹⁷, как они с друзьями называли город.

Лишь миг парения по мосту через стройную Вильняле, как будто противопоставленную раздавшемуся Нерису, – и вот она, свобода! Не преподаватель спас тогда Паулюса, а Ужупис. И его Аушряле¹⁸, конечно. Он в одиночестве глушил самогон на скамейке в парке, когда мимо него неожиданно промелькнула белая тень. Тень поинтересовалась, как дела. Он не на шутку испугался, хотел скрыться от притягательно страшной красоты, но самостоятельно подняться не смог. Тень поддержала его и провела через мост туда, где он очнулся на рассвете и узнал прозвище своей избавительницы – Аушряле с Вильняле.

Аушряле любила целый мир и Паулюса. Она пела этнику в ансамбле с Ромуальдасом, Гаспарасом и Вилюсом. За обсуждением завтрашнего концерта Паулюс и застал их в баре. Приятелям тоже не нравилась неремесленная работа Паулюса, и каждый вечер он виновато возвращался к ним, оправдываясь перед Аушряле, что работа обеспечивает им стабильность. Это никогда не станет для нее аргументом, но...

Впрочем, все были настолько поглощены разговором, что только мельком поздоровались с Паулюсом и продолжили. Его это вполне устраивало: он еще не до конца восстановился от города. Паулюс под столом положил себе на колени руку Аушряле, вода указательным пальцем по ее ладони. Прикосновение успокаивало и взрывало. Она поймала указательный палец, сжала его в кулак, а потом вдруг отпустила – и их пальцы елочкой сплелись воедино. По спине прошелестели мурашки. Теперь Паулюс почувствовал себя дома.

Он болтал, смеялся, курил, целовал ее вьющиеся волосы, шептал ей всякую чушь, а после вытирал губами выступившие на шее капельки пота. Бар покинули далеко за полночь. Аушряле и Паулюс углублялись по Вильняле в ночь. Обнявшись, они смотрели на освещенную блином луны водную гладь непривычно тихой реки.

Утром Паулюс проснулся на берегу от пения птиц и бьющего прямо в глаза первого луча солнца, несколько не смущавшего дремавшую на плече Аушряле. Он осторожно отдернул одеяло и направился к реке. Нет ничего лучше, чем умыться на рассвете росой Вильняле! Он в последний раз огляделся и залез обратно, думая, что надо собираться, чтобы успеть подго-

¹⁵ Vilnelė – уменьшительно-ласкательное название реки Вильни, от Vilnia (лит.).

¹⁶ Užupis – Заречье (лит.), район Вильнюса, традиционное место жительства творческих людей.

¹⁷ užpakalis – задница (лит.)

¹⁸ Aušrelė – литовское женское имя, уменьшительно-ласкательное от aušra – «рассвет», «заря» (лит.).

товиться к эфиру. На краю он помедлил, оступился и полетел вниз. Удар получился несильным, но пришелся затылком точно на острый булыжник. Паулюс по инерции повернул голову к родной Вильняле, быстро уносившей вдаль струйки крови.

О последнем листе

Янис больше не узнавал окружение. Если на старой железнодорожной станции как будто ничего не изменилось, стоило только перейти дорогу – и путник попадал в звукоцветоворот: веселый гомон ресторанов, с трудом перебивающий иностранный речитатив из динамиков; огни магазинов и клубов; первые лучики в окнах выросших из дюн каменных трехэтажных монстров – все это назойливо отдаляло от конечной точки. Он пытался ускользнуть от обступившего его безумия, но неминуемо наткнулся на новые препятствия.

Янис закрыл глаза и уши, а когда снова открыл, почувствовал смоляной аромат и – через миг – различил очертания сосен. Он шел по тому самому парку сорокалетней давности и жадно ловил вечерний бриз. Мимо, взявшись за руки, промчались смешливые девчата. Он их окликнул. Одна из них, в платье в черный горошек, чуть обернувшись, только шаловливо сверкнула глазами, и они побежали дальше. Он медленно последовал за ними, туда, где с деревянной эстрады доносился раскатистый голос оркестра, и нагнал его на начале следующей песни. Он искал ее горошины, и, когда вдруг встретился с ее черными глазами, дыхание ему больше не подчинялось.

– Dzīvoja reiz lapa zarā, dzīvoja tā visiem garām, arī sev, arī sev...¹⁹ – раздалось с эстрады.

Янис сделал шаг и протанцевал с Байбой весь вечер. А потом они еще долго сидели на берегу моря и смотрели на падающие звезды. Байба обнимала колени, Янис обнимал ее и рассказывал что-то непутевое. Байба смеялась.

«Это неправильно, это жутко неправильно», – бубнил себе Янис, разводя спирт. Старый дом остыл, и даже шерстяное одеяло не давало хозяину достаточно тепла. Байба ушла, покинула его в этом мире, хотя Янис был ее старше. Бутылка опрокинулась; спирт, сопровождаемый ругательствами, полился на пол. Он устроился со стаканом у окна и закурил.

По остывшему песку они возвращались домой. Перед поворотом в лес они в последний раз оглянулись на волны. Байба зажмурилась от закатного солнца. Янис осторожно провел по ее волосам. В доме вовсю кипел чайник. Янис отрезал ржаного хлеба, тонко намазал его маслом и щедро посыпал солью. Байба смеялась, что это за ужин, но он говорил, что лучшего лакомства и найти нельзя, и главное – что они вместе. Он накинул ей на плечи шерстяное одеяло и подлез под него сам. Они пили чай, а на горизонте пламенело небо.

Огонь нехотя вырвался наружу из тлеющей сигареты, разогнулся по спиртовой дорожке и, захватив тумбочку с газовой плитой, уже не останавливался. Где-то вдалеке громыхнуло. Дом полыхнул желтым и красным. С другой стороны ветер принес:

– Viņš jau nežēlos, viņš metīs tieši sārtā lapas dzeltenās un lapas tumši sārtās²⁰.

¹⁹ Жил однажды лист на ветке, жил он в стороне от всех, сам по себе, сам по себе... (лти.) – строки из песни Раймонда Паулса «О последнем листе» (Pag rēdējo lapi), в русском переводе известной как «Листья желтые».

²⁰ Он больше не жалеет, он бросает прямо в костер листья желтые и листья темно-красные (лти.) – строки из песни Раймонда Паулса «О последнем листе».

Сосна. Мерикюль

Недавно дорогу заасфальтировали, а ее саму уважительно обнесли безвкусной оградой из белого кирпича, под которой валялись осколки бутылок из-под шампанского, разбитых молодоженами на счастье. На могучих ветвях, расходившихся в разные стороны от раздавшегося туловища, развевались пестрые ленты. Отчаянные женихи размахистыми шагами забирались чуть ли не под самую крону, потом так же резво спускались под аплодисменты гостей и целовали невесту. Помогало ли это, ей было неизвестно: легенды домысливают люди, а деревья и так понимают свою значимость.

Гораздо радушнее привечала она детишек, обычно приезжавших на велосипедах, сидевших, опершись о ствол, у прохладных корней и восторженно глядевших ввысь. Иногда дети тоже пытались залезть на сук повыше, и она слегка припадала к земле, чтобы им стало легче. Правда, среди них тоже попадались озорники, которые от досады, что не обломить вознесшиеся к небу тонкие ветки, дубасили ее кулаками и даже ранили перочинным ножом. Таких она награждала ударами по лбу, и, побуянив еще немного, те отступали.

Она знавала другие времена. Но в самом начале, как только она проклюнулась и распушила первые иголки, ее едва не затоптал крестьянский мальчишка, пятившийся от обильных кустов черники. Через несколько лет она уже достаточно окрепла, чтобы ее обходили стороной. Подле нее проложили тропинку, и одним росистым утром она не без удовольствия наблюдала, как повзрослевшего мальчишку, вместе с другими рекрутами, отводчик гнал на войну.

Она устремлялась все выше и уже заметно выделялась на фоне окрестных деревьев. Осенью те лишались своей лиственной мишуры и мертвенно серели зиму напролет, а она надевала снежную шубу и, посверкивая, ждала весны. Однажды мимо проходили темный и светлый господин. Они, еле шевеля губами, разговаривали и глубоко кутались в пальто, и вдруг светлый господин остановился, показал на нее и, придерживая цилиндр, продекламировал:

– Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'...²¹

Они молча полюбовались ею и проскрипели дальше.

Известной она стала благодаря живописцу с сосновой фамилией. Он часто укрывался в ее тени и, выставив мольберт, рисовал раскрывавшийся пейзаж. Ей нравились его картины, и она благодарно покачивалась на ветру. От ствола уже поползли первые, не обломанные до срока на растопку ветви, от которых вниз, наклоняя ее всю, к дороге свисали роскошные колючие лапы. В другие дни художник делал карандашные наброски: тогда он прикидал к ней спиной – и белый лист бумаги вмиг становился живым. Бывало, что от зноя и воздуха художник ронял карандаш, и она бережно хранила его сон. Как-то он расположился по другую сторону тропинки. От любопытства она пыталась подняться на цыпочки корней и наконец рассмотрела, что он писал ее. Она вскинула крону, чтобы в лучах солнца казаться еще более величественной. Прохожие ей донесли, что теперь ее масляная копия украшает далекий музей.

Следующий век она вспоминать не хотела: слишком много смолы за растерзанные судьбы ей довелось пролить. Она чудом уцелела в продвижении войск с запада и в наступлении с востока, провожала обозы грязных мужчин и женщин с отрешенными взглядами и плачущими детьми, которые больше никогда не вернулись, и долго не верила, что спонтанный празд-

²¹ На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна... – из стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» (нем., пер. М. Ю. Лермонтова).

ник много лет спустя, когда ее, взявшись за руки, обнимали пассажиры тормозивших у знака машин, снова не оборвется.

Она вздохнула всеми иголками. Вечность тяжело давила на сердцевину.

Эглите

– А давайте сочинять сказку, – предложил Римас.

– Точно! Сказку, сказку, сказку! – завопил весь круг.

– Тогда одному из нас надо выйти. Тяните! – Римас выставил вперед сложенную лодочкой руку с ровным рядом спичечных головок.

Переломанная спичка досталась Тому. Он нехотя поднялся.

– Теперь слушайте! – еле сдерживаясь, прошептал Римас, когда Том захлопнул за собой дверь. – Том сам все придумает. Наша задача – говорить «да», когда вопрос оканчивается на гласную, и «нет», когда на согласную. Понятно? – Римас выждал паузу и рассмеялся: – Десять минут бурно обсуждаем сюжет.

В огромной таинственной комнате мерцающие свечи выхватывали лишь смутные очертания предметов. Жигис равнодушно скользил взглядом по серванту, старинной машинке Зингера, валявшейся в углу венецианской маске. Он исподтишка искал Эглите и облегченно выдохнул, когда обнаружил ее потупившейся. Он любовался ее вьющимися каштановыми волосами и думал, что они одни в этой комнате и этом мире.

– Том, мы готовы! – крикнул Римас. Том вернулся и с подозрением поглядел на круг. – Ох, и витиеватая у нас сказка получилась! Задавай только те вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

Игра началась.

– Действие сказки происходит в лесу?

– Да!

– Главный герой сказки – волк?

– Нет!

– Медведь?

– Нет!

– Может, она о ежике?

– Да!

– Ежике в тумане?

– Да! Нет? Да-да, да! – понеслось со всех сторон

– Так нет или да?

– Да!

– Очень оригинально...

– Да!

– Что да?.. Ладно, ежик куда-то идет?

– Нет!

– Он стоит?

– Нет!

– Сидит?

– Тоже нет!

– Лежит в постели?

– Да!

– Значит, он болен?

– Нет!

– Он спит?

– Нет!

– Он, что, хочет секса?

– Да, да, да!

- Интересно. Он ждет ежиху?
- Нет!
- Лису?
- Нет!
- Морскую свинку?
- Нет!
- Ну, не знаю, барашка, что ли?
- Да! Барашка, барашка!
- Ну вы и извращенцы! То есть барашек трахнул ежика?
- Да! Дальше! – заливался круг.

Жигис густо покраснел и перестал следить за сюжетом. К своему удовольствию, он заметил, что Эглите тоже оставила игру и увлеченно наблюдала огонь. Он осторожно приблизился к ней, тихо провел тыльной стороной ладони по щеке, подбородку и, споткнувшись о шею, остановился.

Римас больно щелкнул Жигиса по носу:

- Эй, ты тут? Ты согласен?
- Согласен, – глухо отозвался Жигис.

Римас куда-то ушел, прихватив с собой еще двоих из круга. Друзья поочередно приходили назад мокрыми и веселыми или сухими и счастливыми, а их место в неизвестности занимали другие. Наконец позвали Эглите. Она спешно собралась, разгладила юбку и, сверкнув голыми пятками, бесшумно покинула комнату. Жигис мучился неведомыми картинами случающегося, как вдруг следующий возвращенец указал на дверь ему.

– Иди в ванную! – послышался голос Римаса.

Жигис почувствовал вату в ногах и целую вечность добирался до места назначения. Облокотившись на раковину, на стуле сидел Римас, а в ванне, на корточках, крепко обнимая колени, – Эглите.

– Не дрейфь! – подмигнул Римас. – Представь, что ты гуляешь по берегу озера и вдруг видишь прекрасную и грустную девушку. – Эглите положила голову набок, вперившись в Жигиса бездонными, полными грусти глазами. – Чем ее развеселить? Может быть, нужно погладить ей руку? – Увидев, что Жигис уставился на Эглите и не реагировал, Римас нетерпеливо подтолкнул его: – Ну же, погладь ей руку!

Жигис робко дотронулся до руки Эглите. Она отвела голову, но в лице не изменилась.

– Не сработало! – торжествующе заявил Римас. – Тогда, может быть, стоит поцеловать ей руку?

Жигис уже увереннее взял руку Эглите, но только коснулся дыханием ее вздыбившихся волосков. Эглите по-прежнему сидела грустная.

– Снова нет! Может, нужно поцеловать ее в щеку? – Жигис неуклюже пытался принориться к щеке, и Римас решил помочь: – Полезай в ванну, так удобнее будет!

Жигис перекинул одну ногу за бортик и, оторвавшись второй от пола, наверняка потерял бы равновесие, если бы Эглите ему не помогла. Римас захохотал:

– Ну давай, поцелуй ее!

Жигис приложился к ее щеке. Эглите сочувственно на него посмотрела, но была непреклонна.

– Опять неудача! Тогда ее спасет только поцелуй в губы!

Сердце Жигиса бешено заколотилось, но он не хотел отступить. На мгновение ему показалось, что Эглите сама безмолвно просит его о поцелуе. Он наклонил голову, она наклонилась в обратную сторону и... плюнула в него водой. Римас захлопал в ладоши, а Эглите наконец улыбнулась. Мокрый Жигис ошарашенно забегал глазами по сторонам, а потом выбрался

из плена ванной и сорвал свою куртку с коридорного крючка. Он громко застучал по ступеням вниз, не обращая внимания на призывы Римаса.

Полиэфирный век

На рынке было душно и по-летнему многолюдно, и Эмилию, протолкавшуюся несколько кругов с корзиной, на дне которой лежал единственный конверт, и отчаявшуюся привлечь внимание к своей только что купленной в подвале соседнего торгового центра шляпке из искусственной соломки с розовой лентой, вынесло наружу. Здесь она вошла в прогулочный ритм и деловито дефилировала по рядам, пробуя созревшую наконец малину и первые разносолы. Некоторые продавцы узнавали ее и безнадежно парировали вопросы о товарах, пока она их довольно поглощала и, не слушая, следовала дальше. Отметив боковым зрением смотрящих в ее сторону и шепчущихся кумушек, Эмилия посчитала свою миссию выполненной и поспешила домой.

Напевая под нос забытый романс, она взлетела по скрипучим ступенькам в свою малюсенькую квартиру, сбросила ненавистные туфли и, прижав к стучащей груди письмо, небрежно опустилась в кресло. На башне святого Иосифа зазвонили к службе. Эмилия неторопливо разрешила конверт изящным ножиком. Она пробежалась по листу и остановилась на постскриптуме: *«Впрочем, если Вы захотите нас посетить, мы будем рады»*. Она перечитывала его несколько раз, а потом вдруг обняла письмо и принялась вальсировать по комнате, пока не споткнулась о массивный стол.

Всю вторую половину дня Эмилия собиралась сесть за ответ, но постоянно находила поводы для отвлечения: обеденный перерыв, телефонные звонки, тщательнейшую уборку... К вечеру она зажгла зеленую лампу и схватилась за капиллярную ручку. Размашистым почерком она фиксировала мысли, путавшиеся в голове в течение дня, перемежая их цитатами и цельными стихотворениями. Внизу последней страницы она помедлила и аккуратно вывела: *«P.S. Вы сообщаете, что будете рады меня видеть. Смее ли я надеяться?»* Точка под вопросом расплылась в кляксу.

Эмилия с трудом засунула кипу бумаги под клапан, который пришлось скрепить дополнительным клеем, и на следующее утро отправила письмо. На скамейке в приморском парке она задумалась о первой за долгие годы поездке в неизвестность, проигрывая сценарии встречи со своим корреспондентом: он то галантно подавал ей руку, помогая спуститься с подножки автобуса, и без лишних церемоний представлял ее своей будущей женой семье, то нарочито холодно затаивался в глубине дома и унижал ее своим безразличием. Но в любом случае все замки оканчивались пылкими признаниями, беспечной жизнью вдали от шума и городской суеты и веселым детским смехом.

С новым конвертом мечты обрастали подробностями, и, хотя кавалер более ни строчкой не подтверждал своего приглашения, Эмилия вуалировала намеки в витиеватые фразы и откладывала визит. Постепенно ветер зашелестел по тропинкам желтыми листьями, не тронув лишь металлическое дерево призраков, а значит, ее корреспондента на побережье уже не было. Она ловила сквозь современную аранжировку мелодию старинного языка, безвозвратно уходящую в разноцветные диоды. Началось томительно-сладкое ожидание будущего сезона.

В снегах

Многочисленные гости неохотно разъезжались. Марит и Пеэтер выходили провожать каждого и наблюдали, как машина за машиной ныряла за поворот. За ночь метель уgomонилась, и шины довольно скрипели на прощанье. Наконец вернулась тишина.

Пеэтер пробрался лопатой к калитке, за которой ждало весны картофельное поле, и, весело ступая и проваливаясь чуть не по колено, спустился к закованной речке. Он легко ее перешагнул и поднялся на лесной пригорок. Хвойная волна едва не сбила его с ног. Пеэтер похлопал по стволу могучую ель, в ответ положившую на плечо свою мохнатую лапу. Ледяной комок ручейком заскользил под куртку.

Над домом ровным столбом курился дым. Когда они, два инженера, сбежали от суеты перемен тридцать лет тому, здесь, на пяточке земли на выселках, стояла дощатая хибара, еле видневшаяся за редкими деревьями и исполинскими травами. Соседи со злорадным любопытством гадали, сколько у них протянут эти городские. Учиться пришлось буквально всему – домостроительству, валу деревьев, пахоте: Таммы слишком привыкли жить в комфорте квартиры. Им помогали: сначала братья и сестры, а потом и местные, удивившиеся слаженности их работы. Некоторые из них тоже приходили к единственному истинному имени Бога; другие продолжали шарахаться, но Пеэтер и Марит не настаивали: значит, еще не время – и трудились дальше. Так день за днем рядом с хибарой вырос белокирпичный двухэтажный, со всех сторон открытый глазу красавец. Через несколько лет удалось приобрести пространство вокруг, обеспечившее их овощами и фруктами, излишки которых стремительно продавались на расширенном вырусском рынке. Дети по одному оканчивали школу, пропадали в университетах и... возвращались, обосновывались неподалеку со своими семьями.

Пеэтер понимал, почему так происходило. Они с Марит когда-то так же были очарованы расплзающимся во все стороны городом и сами для него сделали немало. Однако город требовал и тело, и душу. Пеэтер ловил это загнанное смятение отдохавших от лекций детей и редких постояльцев, которых они брали не выгоды, а исцеления ради. Взять хотя бы тех двух парней на неделе, плутовавших по извилистым дорожкам, измотанных то ли алкоголем, то ли нескладными любовями, нервно звонивших Марит, так что она предложила подождать их на развилке, где, вынырнув из-за поворота и отчаянно дав по тормозам, они медленно проплыли до столкновения с ее «Субару». Пеэтер заметил, как парни недоверчиво косились на него, не зная, чем все это закончится, рассмеялся: «Ну вот и встретились!» – и вызвал полицию. В столовой Марит поила гостей чаем с вареньем. За тот неполный день, который парни оставались – гуляли по окрестностям, играли в шахматы, о чем-то переговаривались, он с удовлетворением следил, как постепенно просветляются их лица. И Божья воля на то, что вдобавок к их несчастьям в сауне прорвало трубу: лишь бы сами целые были! Куда и от кого они мчались? Зачем? Наутро Марит сварила кофе, достала в подарок пару номеров «Vahitorn»²² и отпустила их в новое опасное путешествие.

С высоты Пеэтер первым заметил приближающийся к дому пикап и неторопливо спустился с пригорка. Он крепко поздоровался с Оливером. Сын вытащил из кузова бензопилу, и они стали примеряться к вымахавшей на дворе ели. С порога на них с интересом и улыбкой глядела Марит.

²² «Сторожевая башня» (эст.) – журнал, издание «Свидетелей Иеговы» (деятельность организации запрещена на территории РФ).

Э-балты

Парковка у выросшей в поле «Максимы» пустовала. Альгис заехал под прожектор ближнего фонаря, выхватывающего из пространства густые хлопья первого снега, и вышел из машины. Он подставил спину ветру, достал электронную сигарету и, оберегая ее ладонями, закурил. Он сделал всего несколько вдохов, когда метель занесла на парковку джип Витиса.

Альгис еле поспевал за мерцавшей впереди надписью «Range Lover»²³. Они выехали и тут же соскочили с трассы в лес, где петляли добрый десяток километров. Задняя подвеска, чудом ускользавшая от вздыбившихся корней, вывела на дисплей: «Velnias! Atsargiai ten miške!»²⁴ – и облегченно развалилась, как только друзья добрались до большого бревенчатого дома. Витис махнул на нее рукой и распахнул перед Альгисом дверь.

Внутри стоял длинный массивный стол, на который Индре уже собрала угощения. Из углов, отгороженных деревянными ширмами, боязливо выглянули Лорета и Йонас. Весь ужин Витис хвалился их дипломами по скрипке и дзюдо, а после безжалостно отправил детей спать.

В сенях обнаружилась баня, где Альгису стало совсем пьяно. Он выбежал на крыльцо, набрал из встроенного в сруб крана ведро ледяной воды и окатился. Поморщившись от наслаждения, он фыркнул и, немного пожившись на летевший снег, ретировался в дом.

Витис уже открывал следующую дверь, на которой большими буквами было выцарапано: «DIDIEJI DUOMENYS»²⁵. От нее в темноту уходила бетонная лестница. Витис завязал одно полотенце на бедрах, протянул другое Альгису, поманил его за собой, захлопнул дверь, в яркой вспышке показавшую свою металлическую изнанку, и крутанул штурвал замка. Внизу располагалась каморка, по периметру заставленная вмонтированными в шкафы блоками с прерывистыми огоньками.

– На фига тебе столько серверов? – удивился Альгис.

– Сервера – уже вчерашний день. Это порталы, – просто ответил Витис. – Куда хочешь?

– Ты что, изобрел телепорт?

– Он еще в разработке, – серьезно продолжал Витис. – Пока мы научились только себя оцифровывать.

– Как в виртуальной реальности?

– И да, и нет. Мы можем посылать себя на другие стороны компьютеров. Так куда ты хочешь?

– Ну не знаю, давай в Германию. Все никак не могу туда попасть.

– Но тогда через Эстонию.

– Почему? Ведь это крюк!

– Скорость передачи выше. Мы с ними боремся за лидерство, но пока безуспешно. Эстония.

Витис переключил тумблер. Один из блоков выехал из шкафа. Из него выдвинулся прибор вроде перископа и оценивающе посмотрел на друзей.

– Я нырну первый, – сосредоточился Витис. – Ты за мной!

Перископ убрал свое око. Его сменила воронка, похожая на трубу граммофона.

– Готовьсь! – крикнул Витис и прыгнул в трубу.

²³ Игра слов: название марки автомобиля «Range Rover» – дословно: странник, для которого нет границ (англ.), переделанное в «Range Lover» – любитель выходить за границы (англ.).

²⁴ Черт! Будь осторожен в лесу! (лит.)

²⁵ БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ (лит.)

Альгис последовал за ним. Его засосало в воронку и сплющило так, что хрустнули кости, и показалось, что он сейчас задохнется. Однако в следующий момент он набрал полную диафрагму и полетел в истонченном пространстве. Впереди он едва различал пятки Витиса и так понимал, что его несет в правильном направлении. Постепенно Альгис сориентировался и мог уже безошибочно определить, куда вело очередное ответвление. Через Латвию они продрались с трудом, потеряв драгоценные миллисекунды, но зато в Эстонии время удалось нагнать. Их выплюнуло на пол залитого белым светом лофта.

– За нами придут, – успокоил Витис.

Действительно, через мгновение из стены просочилась девушка с двумя халатами.

– Накиньте! – скомандовала она. Ее приказ был кстати: в полете друзья не заметили, что потеряли полотенца. – Меня зовут Пилле-Рийн.

Витис представил обоим, но, когда собрался продолжать, Пилле-Рийн его остановила:

– Знаю, что в Германию. Я мыслехакер. После освоения электронных услуг, межгосударственного документооборота и путешествий по большим данным мы занялись этой перспективной отраслью. Я была первым волонтером.

– Вот это технологии! – восхищенно шепнул Альгису Витис.

– Мы еще только в самом начале, – снисходительно заметила Пилле-Рийн. – Вы берете меня с собой, и я вас доставляю директ-портацией прямо к компьютерам.

– А в чем твой интерес?

– Мне любопытно изучать архаичные сети, пока они еще есть. По рукам?

– По рукам.

Пилле-Рийн спустила прозрачное полотно и послала ему импульс, зажегший на интерфейсе: «Saksamaa»²⁶. Прозрачное полотно прошло троицу насквозь – и они увидели пожилую женщину в уставленном книгами зале, одним пальцем печатающую письмо на допотопном компьютере. Пилле-Рийн проанализировала информацию и вывесила рекомендацию обратиться к кардиологу, чтобы предотвратить инфаркт в течение будущей недели. Буквы немедленно подстроились под новый язык.

– Karl! Karl! – заорала женщина. – Diese Pop-up-Fenster wieder!²⁷

– Мы в Германии? – не поверил Альгис.

– Могло быть и скорее, если бы директ-портация не тормозила, – пожалала плечами Пилле-Рийн. – Ладно, вы тут развлекайтесь, а меня ждут дела.

Ночь напролет Витис и Альгис перелетали от пользователя к пользователю, расставляли ловушки и помогали проходить на уровень выше, грозили полицией и оптимизировали результаты поисковиков, но более всего всматривались в лица сидящих и обстановку по ту сторону экрана.

Далеко за полдень Альгис явился завтракать Индре укоризненно покачала головой. Альгис вышел на заснеженную лужайку перед домом и обнял высокое солнечное небо. Машина плавно скользила по запорошенной дороге, оттаявшей только у самой трассы.

– Atsargiai! Kelias duobetas!²⁸ – запищало на бортовой панели.

– Состав асфальта? – спросил Альгис.

На бортовой панели заверещали формулы. Альгис нажал на кнопку и через минуту проехал по свежему покрытию.

²⁶ Германия (эст.).

²⁷ Карл! Карл! Снова эти всплывающие окна! (нем.)

²⁸ Внимание! Дырка на дороге! (лит.)

Поговорим

Алексис достал из холодильника банку пива и включил телевизор. Под решительную музыку прозрачная рука прочертила круг, по которому поисковым радаром забегал лучик. На заднем плане проявилась блондинка с каре, на высоких шпильках и с уверенно схваченными под грудью локтями. «Есть же на свете бабы!» – Алексис отхлебнул из банки и нарочито выпрямился. На экране замелькали большие буквы, сложившиеся в слово: «PARUNĀSIM»²⁹.

– Начинается! Инга! – зарычал он.

Из кухни, вытирая ладони о подол, засемила Инга. Она плюхнулась рядом и, выскользнув из-под руки Алексиса («Да подожди ты!»), с надеждой уставилась в телевизор. Она аж подпрыгнула, когда из-за кулис вышла моложавая женщина в цветастой блузке и коричневой юбке, которой все заплодировали.

– Можешь же, когда хочешь! – в сердцах выпалил Алексис. Под женщиной появилась надпись: «Inga (47), gaida vīru no Mančesteras»³⁰.

– А так я уродина, что ли? – развернулась к нему жена.

– Да разве я что-то говорю?! – ретировался он. – Просто вон поработают парикмахеры и эти... как их там... стилисты – и...!

– Значит, все-таки уродина!

– Блин, с чего ты взяла?! Я только...

– Тихо! – одернула Инга. – Послушать дай!

– И когда он в первый раз уехал? – спросила крашенная дура.

– В 2004-м, сразу как границу открыли. Работы у нас в городе не было, а надо и за продуктами, и за коммуналку платить... Сидели в кредитах по уши! И я-то так рассудила: «Почему бы и нет, пусть попробует».

– И подолгу он пропадал?

– По шесть месяцев! Потом неделю-другую побудет дома – и обратно.

– Шесть месяцев! А жизнь-то ваша улучшилась?

– Куда там! Центы какие-то оставались!

– Центы?! А что же он делал с зарплатой?

– Как что!? Пропивал!

– Даааа...

– Да это ведь не главное, главное, что мы совсем чужие друг другу стали... – Инга уже не могла сдерживаться – и первая слезинка скатилась по щеке. Зрители по команде вздохнули.

– Умеешь ты на жалость пробить! – турнул ее в бок Алексис и притянул поцелуем к себе.

– Могу, когда хочу, – нырнула под плечо Инга. В студию под недовольный гул публики, пошатываясь, пробирался усталый человек в заляпанной краской робе.

– Красавец! – промурчала Инга. Человек нашел пульт и изо всех сил за него уцепился. Внизу промелькнуло: «Aleksis (48), mājās atgriežas katru pusgadu un dzer»³¹.

– Что ей еще надо!... Она вообще... понимает?! Ни хрена! – Крики Алексиса время от времени прерывались закадровым писком. Инга достала платок и беззвучно в него заревела. – Ты... кое-как доезжаешь до Польши. С этими... вонючими гастарбайтерами трясешься до Франции, потом под этот... как его... Ла... Ла-Манш. Ищешь объявления... звонишь... никто не отвечает... бабки списываются... вкальваешь с утра... до вечера... ютишься в малюсенькой комнате на четверых...

²⁹ ПОГОВОРИМ (латв.).

³⁰ Инга (47), ждет мужа из Манчестера (латв.).

³¹ Алексис (48), домой возвращается каждые полгода и пьет (латв.).

- Во заливает! – с гордостью заерзала на диване Инга.
- Да мне Харальдс рассказывал! Я бы сам ни за что на такое не согласился!
- И разве после всего Вам не приятно снова посидеть у теплого домашнего очага? – осведомилась ошарашенная сексуальная штучка.
- Еще как!.. Я... целый город могу купить!
- Однако Вы покупаете спиртное?
- Я столько... друзей не видел... Там же ни одного... родного лица... поговорить не с кем! Леса – койка – леса. Язык... черт ногу сломит!
- А как же жена?
- А что... жена?! – Алексис размахнулся и едва не повалился за пульт. – Она всегда... со мной. – Из разных концов зала очередью посыпались неодобрительные реплики. – Она всегда со мной, – повторил Алексис и пополз Инге под передник.
- Алек, ну перестань... – нехотя сопротивлялась она. По обеим сторонам мирились.
- Когда-то давно вы поклялись быть в горе и в радости, в богатстве и бедности, в болезни и в здравии... – напутствовала ведущая. Камера пролетела по утопающей в овациях публике. – Алексис, ты обещаешь, что не будешь пить и редкие свободные дни проводить с семьей?
- Обещаю, – Алексис отряхнул пальцы о комбинезон, проковылял к жене и принялся бережно вытирать уже всю хлеставшие из нее слезы.
- Инга! Ты теперь знаешь, как сложно мужу в Англии и что ему нужно чуть больше заботы и ласки, когда он на побывке?
- Знаю! Я же не догадывалась, как ему тяжело! – рухнула в объятия Алексиса Инга. Под ними зажегся финальный титр: «Aleksis un Inga, atkal kopā»³².
- Любите друг друга, говорите друг с другом – и тогда все у вас будет хорошо, – торжественно предсказывала блондинка. – А мы встретимся с вами ровно через неделю, чтобы решить еще одну невероятную и непридуманную историю.

³² Алексис и Инга, снова вместе (*лти.*).

Дачники

– ...если верить Венцлове, то Бродский говорил, что Литва для русского человека – всегда шаг в правильном направлении. А Эстония для Северянина? Как он здесь себя чувствовал?

– Как он мог себя чувствовать?! Это чужая страна, тебя никто не знает, не печатает, сидишь в неотапливаемом доме. Денег не было даже на керосин! Женщины все эти бесконечные! Вы сами подумайте, молодой человек!

– Не кипятитесь. Во-первых, страна не чужая. И отец, и брат с сестрой учились в Ревеле, сам он бывал в Гунгербурге, а в Тойлу он впервые приехал еще в 1912-м.

– Хорошенькое дельце! Эстония оккупирована Германией, сначала карантин в Нарве, потом треклятый Ревель, чтобы бешеным кругом оказаться в Тойле! На руках больная мать, две жены, дочь и няня! И всем им приходится ютиться в не лучшей половине плотницкого дома! Вот, посмотрите, можно было здесь нормально жить или нет?

– Немцы скоро уйдут. А что до карантина, Вы вспомните обыск Бунина в Линдау.

– Ох уж мне этот лицемер Бунин! Сначала поносит Северянина на чем свет стоит, а потом вдруг, после «веселой капли» стихов, мило жмет руку в Тапе, чаевничает в вагоне-ресторане и предлагает вместе сойти в Таллинне.

– И Северянину хватило ума отказаться... Послушайте, это та Тапа – с «Тара Kommunist»³³ и «Тара Edasi»³⁴?

– Откуда Вы откопали пошлый шведский анекдот?! В Тапе никогда не было такой газеты, она называлась «Эдаси Коммунизмилэ»³⁵.

– Не суть. Теперь о том, что не знают и не печатают. Насколько мне известно, он переводил из эстонской поэзии по подстрочникам Фелиссы, объездил с ней пол-Европы, не только Эстонию, получал субсидии от правительства. Пока он оставался с Фелиссой, все складывалось неплохо.

– Ну да, не считая того, что они висели над пропастью в Сербии, попали в бухарестское землетрясение, а в Кишиневе его чуть не закололи кинжалом! Фея Эйоле³⁶! Сегодня нет, а завтра есть. Он помирал от тоски: в Петербурге и Москве его на руках носили, а здесь те же аллеи, море, кусты...

– Хотелось бы мне знать, сколько таких фей он поймал в тех же кустах и темных аллеях!

– Тьфу! Разве можно сравнивать Ору с Новгородчиной? «Я снова вижу реки русские – Нелазу, Суду и Шексну...» Не прелесть ли?

– Смесь эстонского с вологодским! «Давно я местность эту знаю. Ее я вижу часто в снах...» Одна любовь не исключает другую: неужели Северянин Вас не убедил?

– «Нет, я не беженец, и я не эмигрант, – Тебе, родительница, русский мой талант...», и вот еще: «Когда чужбина доконала мысль мою, – И как, Россия, я тебе и что спою?»

– Вы бы еще «Приветствие Союзу» процитировали! Советская критика, ей-богу! Здесь он только пробует дно шестом, чтобы не увязнуть в болоте, а там хлюпает по кочкам, не разбирая пути! И Раскольников, допрашивавший его о статусе и позже сам оказавшийся в похожей ситуации, уже сгинул в болоте до него: некому донести, что отверг предложение проехаться по СССР. Стыдно!

– А что ему оставалось? Неотапливаемый дом...

³³ Коммунист Тапы, также дословно: убей коммуниста (*эст.*).

³⁴ Вперед. Тапа, также дословно: убивай дальше (*эст.*).

³⁵ «Edasi Kommunismile» – «Вперед к коммунизму» (*эст.*).

³⁶ От ei ole – нет (*эст.*). «Фея Ei ole» – название стихотворения и сборника Игоря Северянина (1922).

– ...женщины все эти бесконечные. Остановиться, раз писать после слов, вроде: «Вот ты какая: Вся такая, как надо!» – нельзя. Вообще эта Вера...

– Да уж!

Балтийский путь

Входная дверь была не заперта. Нос разъедал запах молока, дыма и дерьма. Половицы нервно скрипели под тяжестью шагов. Юстас постучал.

– Да?! – послышалось из комнаты.

Юстас потянул на себя ручку, обновив нижним краем борозду в коричневой краске. Он с трудом продрался через тюль защитной занавески. Потрявоженные мухи зажужжали в разные стороны.

– О, какие люди! Садись! – просиял Шарунас. – Как раз чай вскипел.

– А твои где?

– На речке. Ну рассказывай!

– Да потихоньку... Я вот что зашел. Ты завтра собираешься?

– Конечно, мы всей семьей пойдем. Хочешь с нами?

– Не знаю, не знаю... Но ты сам рассуди: зачем им разрешать?

– Может, совесть проснулась наконец, – сжал на столе кулаки Шарунас.

– На твоём месте я не был бы так наивен.

– Что-то я не пойму, к чему ты клонишь. Или ты забыл своего деда в безвестной сибирской могиле? Или тебе безразличны тысячи и тысячи таких же сгинувших?

– Все я помню! И деда, и в одну ночь побелевшую мать, и издевки в школе... И именно поэтому нельзя допустить повторения. Свобода ведь не навсегда.

– Не навсегда, если сейчас схорониться в подвале и выдохнуть, когда придут за соседом, а не за тобой.

– Ну и ладно. Мое дело – предупредить, – поднялся Юстас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.